

выбросил с её потрясающим финалом: «И всё вздыхал, что вот уже и снег, а у него не копана картошка». — «Почему выбросил?» — «У неё середины нет». — «Так напиши, закончи поэму!» — «Её нет». — «Она есть. Я её подобрал!»

А как «Дельфины» были написаны? Ужинали как-то за бутылкой: «Максимум... ты мне про дельфинов рассказывал... их убивают... какой позор всем нам будет, если они пропадут». Через час будит меня. Читает стихи в моём сонном

присутствии. Мне посвятил. А я ему говорю: «Уже почти до половины мы понимаем вашу речь». Надо сказать, что Лёша — большой змей, если верить Тютчеву, который сказал, что «поэзия — змеиной точности расчёт».

Потом артисты читали стихи Решетова. Он поднял голову и переводил почти безумный взор с одного лица на другое.

Вот что он сказал в конце вечера:

— Юбилей — не очень весёлая картина, когда человек оказывается у раз-

битого корыта. Вот. Я помню вашу ко мне симпатию. Сколько прелестных поэтов было в восемнадцатом веке и в других веках, а вы ко мне снисхождение сделали.

В компании с Лёшей, Надей, Робертом мы говорили о том, как происходит волшебство, которое называется «Отговорила роща золотая...», «Золотистого мёда струя из бутылки текла...», «И воздух синь, как узелок с бельём у выписавшегося из больницы...», Лёшино — «Скачет воробышек серый, как поплавок из коры...».

Лёша сказал:

— Надо взять канистру пива...

Я продолжил:

— ...запишем наши разговоры и сделаем огромную книгу.

Всё зависело от Лёши, и он сказал: «Я согласен». Несколько раз мы встречались — «надо бы взять пива, поговорить», пока Лёша не сказал: «Ничего у нас не получится».

Может быть, всё дело в том, что чудо на то и чудо, что оно необъяснимо.

Надя Гашева допытывалась:

— Лёша, как у тебя это получается?

— Если бы я знал...

Она и сама не знает, как у неё самой возникли гениальные цирковые строчки:

Улетают мои вольтижёр,

Ловиторы не ловят меня...

А вот ещё чудо — «Дворик после войны», будто продолжение знаменитой картины Лактионова «Письмо с фронта», и кажется, что дымок от папиросы на холсте смешан с «горьким запахом щепок», и всё утопает в сладостном воздухе весны сорок пятого...

Покуда я тетрадь мараю,

Совсем осыпалась ветла

И тучка, розовая с краю,

Уже не полностью бела...

Это очень по-японски написано! Есенин тоже умел по-японски:

Закружилась листва золотая

В розоватой воде на пруду,

Будто бабочек лёгкая стая

С замираньем летит на звезду.

А как аukaется есенинская «Песнь о собаке» с решетовской «Матерью жеребёнка»! А как Лёша написал о собаке, едущей в трамвае: